

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация

В данном исследовании рассматривается значение исторической памяти в контексте идентичности корейского общества. Память о трагических событиях, пережитых корейским народом, сохраняется в общественном сознании и влияет на социально-политические взаимоотношения Республики Корея и Японии. В статье уделяется внимание анализу механизма формирования исторической памяти и ее роли в национальной идентичности, а также последствиям этого явления для современных корейцев. Автором отмечается, что историческая память не только формирует восприятие прошлого, но и определяет основы для политико-культурных столкновений настоящего времени. В заключении выдвигаются рекомендации для улучшения отношений между Республикой Корея и Японией.

Ключевые слова: историческая память, идентичность, Республика Корея, Японская империя, Япония, колониальная политика, историческая травма.

Автор

Матосян Агапи Элмаровна

Аспирантка факультета гуманитарных и социальных наук
РУДН им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

Введение

Развернувшиеся в последнее время широкие дискуссии о методах преподавания истории, разрушении или сохранении исторических памятников, отношении к ключевым фигурам прошлого и стиле поминовения не случайны. Приведенные аспекты затрагивают память — один из фундаментальных факторов социальной сплоченности, формирования культурной и гражданской идентичности каждого его представителя. В современных условиях проблематика исторической памяти обсуждается в разрезе отдельных социальных наук, таких как политология, культурология, социология, история. В контексте определенной гуманитарной дисциплины проблема памяти рассматривалась

и продолжает рассматриваться многими специалистами, которые, в свою очередь, дают различные интерпретации данного определения. Актуальным остается и такой вопрос как воспитание личности, которая будет бережно хранить свою историческую память и не допускать ее искажения. Пример Республики Корея является показательным в рамках изучения проблематики исторической памяти. Республика Корея подверглась значительным жертвам, находясь в статусе японской колонии, что делает репрезентацию коллективной памяти особенно актуальной с точки зрения общества. Воспоминания о колониальном прошлом сохраняются в коллективных представлениях корейцев, часто подпитывая враждебность и недоверие к современной Японии.

Сущность и подходы к изучению исторической памяти

Интерес к теме памяти возрос после Второй мировой войны под влиянием трагических событий в истории XX века. Историческую память в контексте вопроса об ответственности за войну и преступления гитлеровского режима рассматривал один из самых выдающихся социологов прошлого века, представитель Франкфуртской школы Теодор Адорно. Немецкий философ, изучая трагедию Холокоста и исторические корни антисемитских настроений, пришел к выводу, что политическое поведение масс определяется социально-психологическими факторами, и на этой основе разработал свою теорию. Т. Адорно писал о тенденции молодежи немецкого общества к подавлению памяти о нацизме, но также выделил позитивные проявления в этом процессе, направленные на понимание и осуждение такого прошлого, полный разрыв с которым возможен при условии преодоления причин прошлых событий [1].

Инструменталистский подход продвигает идею о том, что, когда доминирующие группы навязывают новое направление социальной жизни, подчиненные дают свое спонтанное согласие на установленный порядок. Как отмечает итальянский теоретик марксизма Антонио Грамши, это согласие (которое укрепляет культурную гегемонию, узаконивая существующие властные отношения) исторически обусловлено престижем, которым пользуется доминирующая группа в силу своего положения и функции в мире производства [3, р. 65].

Под влиянием постмодернистских взглядов П. Нора также обращается к проблеме памяти в истории. Он констатировал, что история и память во многом являются противоположностями, их роли изменились: очевидным является социальный интерес, а сами историки все больше фокусируются на

современности. П. Нора аргументирует свою точку зрения тем, что память превращает быть собранием элементов прошлого, которые следует помнить, а становится способом осознания своего настоящего, то есть память — это эмоциональный пережиток, ассоциирующийся с действительным или воображаемым воспоминанием, сопровождающийся различного рода манипуляциями, изменениями или вытеснением фактов [9, р. 10–12].

Французский историк-медиевист Ж. Ле Гофф выделяет пять различных периодов в истории памяти. Первый — народы без письменности, обладающие тем, что Ле Гофф называет «этнической памятью», в которой практика памяти не является высокоразвитым искусством. Второй период — переход от предыстории к античности, включающий в себя отделение письменности от устной речи. Третий этап — память в Средневековье включала христианизацию памяти и мнемотехники, разделение коллективной памяти на циркулярную литургическую память и мирскую память, мало подверженную влиянию хронологии, развитие памяти об умерших и особенно об умерших святых. Четвертый период — развитие памяти от Ренессанса до наших дней, включая в себя постепенную революцию в памяти, вызванную появлением печатного станка, который потребовал длительного развития читательской аудитории среднего класса для завершения своего эффекта. Наконец пятый период — электронная запись и передача информации в XX веке [12, р. 32].

Историческая память и идентичность неразрывно связаны и находятся в тесной взаимозависимости, поскольку сохранение памяти является важнейшим фактором самоопределения отдельных индивидов и укрепления сплоченности социальных групп. Идентичность выстраивается в процессе понимания истории народа, своего современного состояния, а также воз-

можных и предполагаемых перспектив, и, следовательно, историческая память является условием формирования этой самой идентичности. Подчеркивая этот факт, Я. Ассман определяет «идентичность как политическое воображение, обусловленное культурной памятью» [2, р. 4–5].

Критические теоретики идеологии национализма отметили, что национальные государства не только используют историю в своих целях, но и превращают историографию в националистическое предприятие. Действительно, К. Уилсон документально подтверждает, как национальные правительства стремятся контролировать сами источники профессиональной историографии, ограничивая доступ к государственным архивам. Гегемония современных национальных государств и легитимность, которую получают группы и классы, контролирующие их аппараты, критически определяются репрезентациями национального прошлого [25].

М. Фуко отмечал, что память является важным фактором для борьбы и если кто-то контролирует ее, то он может контролировать и ее динамизм. Для того чтобы противостоять власти националистической историографии, М. Фуко сформулировал понятие «контрпамяти», имея в виду воспоминания, которые отличаются от доминирующих дискурсов и часто бросают им вызов. Аналогичным образом многие историки, философы и социологи в последние несколько десятилетий пытались переориентировать исторический поиск от национального государства как единицы анализа в пользу групп и перспектив, исключенных из традиционных представлений. Исследователи феминизма, например, пытались восстановить «подавленную» историю женщин, которая осталась за рамками общепринятой истории [15].

Доминирование памяти о нации над другими воспоминаниями, таким

образом, не только исключает других претендентов на контроль над национальной идентичностью, но и сохраняет первенство национальной над другими видами идентичности. Переплетение власти и памяти очень тонкое, когда историки пытаются «спасти» и интерпретировать эти воспоминания, они также подвергают неизбежной трансформации их статуса и характера как воспоминаний.

Страны используют повествование о прошлом, настоящем и будущем для построения образа себя для других, и эти представления влияют на то, как политики и граждане понимают и интерпретируют мир. Одним из примеров того, как вопросы исторического прошлого влияют на становление национальной идентичности, а также на формирование внешнеполитической повестки государства является Республика Корея.

Особенности формирования исторической памяти корейского общества

После неоднозначных итогов русско-японской войны Японская империя разместила на Корейском полуострове, подписав в 1905 году договор с Кореей, который обеспечил юридическую основу для превращения Кореи в японский протекторат. После подписания данного договора в японских политических кругах преобладали два мнения: 1) подписание договора станет фактором роста антияпонских настроений среди корейцев; 2) присоединение Кореи является обязательной мерой. В 1910 году был подписан Договор о присоединении Кореи к Японии, после чего Корея стала колонией Японской империи. Курс Японской империи этого периода (1910–1945) можно охарактеризовать следующими элементами: воинский дух, склонность к национальному превосходству, самопожертвование и коллективная

дисциплина [16, р. 833–835]. Однако в период с 1919 по 1930 гг. произошло некоторое смягчение политики: был введен запрет на телесные наказания корейцев, открыт первый университет в Корее (ныне — Сеульский национальный университет), начали выпускаться газеты на корейском языке.

В середине 1930-х годов власть перешла военным, которые стремились подавить корейскую культуру, традиции и язык, одновременно отрицая уникальность корейской идентичности и массово устраняя корейские фамилии. Ассимиляционная политика Японской империи сильно повлияла на формирование идентичности корейцев, поскольку поклонение предкам и родословные архивы, служащие основой для семейных и клановых связей, являются важными аспектами корейской культуры. Военный режим также пытался навязать корейцам собственную религию: корейцы должны были произносить клятву императорских подданных, ежедневно кланяясь на восток в сторону императорского дворца и подтверждая свою веру в государственную власть поклонением в синтоистских святилищах [17].

В течение этого периода японская власть ввела определенные ограничения на печать, использование корейского языка и получение образования, а многие подданные подвергались принудительному труду. В рамках колониальной политики Японской империи осуществлялся государственный и военный контроль, а также развивались предприятия в виде экономических конгломератов, сосредоточения тяжелой промышленности и инфраструктуры. Для корейцев ненависть к колониальным угнетателям усиливалась противоречивыми фактами, поскольку колониальный режим был выгоден Корее в плане индустриализации и форсирования ее экономической модернизации как государства. Политика Японской империи по отношению

к Корее породила противоречие, которое в какой-то степени стало частью корейской национальной идентичности [22, р. 19–20].

В дополнение к вопросу о модернизации Кореи как колонии Японской империи, необходимо обозначить, что данная проблема является непростой и крайне дискуссионной темой. Действительно, во время колониального правления в Корее были сооружены различные транспортные системы. Индустриализация в Корее также началась благодаря колониальной политике Японии, хотя в первую очередь она была направлена на поставку ресурсов в Японию, в частности для военных целей. Японская империя внедрила в Корее современную систему образования, которая способствовала определенному повышению уровня грамотности и развитию современных наук и технологических знаний. Тем не менее эта система образования была направлена на ассимиляцию корейцев в рамках японской имперской системы, и она была в значительной степени ориентирована на Японию, делая акцент на преданности императору и подавляя корейскую индивидуальность и самобытность [10, р. 142–143].

Одной из наиболее острых проблем, оказавших влияние на становление исторической памяти, является вопрос о «женщинах для утешений». Нанкинское изнасилование (1937 г.) стало кульминацией бесчисленных массовых убийств, в результате которого варварства и изнасилования вышли из-под контроля, вызвав сильное сопротивление местных жителей. Для подавления протестных настроений военное правительство решило сформировать вблизи линии фронта военные «станции для утех», наполненные китайскими, корейскими, филиппинскими и некоторыми европейскими женщинами, взятыми из деревень, городов и лагерей военнопленных по всей Японской империи [17, р. 28–29]. В период с 1943 по

1945 год колониальное правительство привлекло более 200 тыс. корейских женщин в возрасте от 12 до 40 лет. Задачами «женщин для утешений» были: поднять боевой дух японских солдат, уменьшить распространение заболеваний и снизить частоту изнасилований, совершаемых японскими солдатами. Существующие в Корее системы лицензированной проституции облегчили Японии задачу привлечения женщин в большом количестве. Многих женщин обманым или мошенническим путем заманивали в военные публичные дома, гарантируя помочь избавиться от семейных долгов, или устроиться на работу [26, р. 24]. После завершения Второй мировой войны и капитуляции Японии в 1945 году большинство «женщин для утешения» были отвергнуты не только японскими военными, но и корейскими властями. Подавляющее число выживших женщин не смогли вернуться в собственные семьи из-за глубокой социальной стигматизации, возникшей в связи с их опытом [20, р. 17].

На протяжении нескольких десятилетий проблема «женщин для утешений» практически не обсуждалась ни в Республике Корея, ни в Японии. В Республике Корея выжившие женщины были преданы порицанию со стороны местных жителей. Пережитые ими травмы и стыд умалчивались в течение многих лет. Именно поэтому проблематика «женщин для утешений» сформировалась спустя долгое время после окончания колониального правления. В 1991 году Ким Хак-сон выпустила свои мемуары о пережитых событиях будучи работницей этих «станций». Другие жертвы также последовали примеру госпожи Ким и опубликовали воспоминания о военных преступлениях японской армии. В 1993 году правительство Японии представило «Обращение Коно» — официальное извинение, согласно которому японские военные признали, что во время

Второй мировой войны использовали женщин для сексуального рабства [24]. Несмотря на то, что это заявление было определенным продвижением вперед, многие жители Республики Корея и активисты движения в поддержку жертв подвергли его критике за недостаточную глубину и искренность.

Воспоминания о жестоких преступлениях, особенно о проблеме «женщин для утешений» и системе принудительного труда, по-прежнему сохраняются в национальной памяти корейцев. Нерешенные проблемы повлияли на взаимоотношения с Японией, и поэтому большинство жителей Республики Корея считают, что неспособность Японии в полной мере компенсировать свои действия в военное время оскорбляет их достоинство.

Проблема исторического прошлого и современное корейское общество

Невзирая на периоды развития сотрудничества и взаимного согласия, отношения между Республикой Корея и Японией характеризуются цикличностью возникновения конфликтов и попыток их урегулирования, зачастую зависящих как от внутренних общественных настроений, так и от внешнеполитических целей государств. Серьезные противоречия вызвало соглашение между Японией и Республикой Корея, в котором Япония принесла извинения и предоставила компенсацию выжившим корейским женщинам (Соглашение о разрешении проблемы «женщин для утешений» от 28 декабря 2015 года, г. Токио). В то время как это соглашение расценивалось как дипломатический прорыв, в Республике Корея оно столкнулось с широкой критикой. Многие жертвы и активисты считали, что соглашение было недостаточным и не учитывало их требования официальных извинений со стороны Японии или индивидуальных компенсаций [6, р. 37]. Помимо этого,

данное соглашение посчитали попыткой Японии замаять вопрос, отказавшись от всей ответственности.

После вступления в должность президента Республики Корея Мун Джэ-ин (2017–2022) раскритиковал соглашение 2015 года, заявив, что соглашение было «несовершенным», и потребовал от Японии принести более искренние извинения и предоставить большую компенсацию. Администрация Муна также расформировала фонд помощи «женщинам для утешений», созданный в рамках соглашения 2015 года, и призвала Японию взять на себя ответственность за совершенные военные преступления [4, р. 78–79]. Президент Юн Сок Ёль (2022–2024) продемонстрировал переход к поиску более благоприятных перспектив в отношениях с Японией, сделав акцент на региональной безопасности и экономическом сотрудничестве. В вопросе о «женщинах для утешений» правительство Юна стремилось выйти за рамки Соглашения от 2015 года; администрация президента призывала Японию к диалогу и сотрудничеству для решения проблемы так, чтобы соблюдалось уважение к личности жертв, но в то же время была гарантирована нормализация дипломатической обстановки [8, р. 84–85].

Аналогичным образом вопрос о принудительном труде остается одним из источников постоянного напряжения в отношениях между Японией и Республикой Корея. Тем не менее, вопреки извинениям со стороны Японии, многие корейцы считают, что предоставленная компенсация была неадекватной или недостаточной. В 2018 году Верховный суд Республики Корея постановил, что японские компании, такие как Mitsubishi Heavy Industries, должны выплатить компенсацию жертвам насильственного труда. В свою очередь японская сторона заявила, что данный вопрос был урегулирован в соответствии с японо-корейским договором 1965 года и суд Республики Корея не об-

лаждает соответствующей юрисдикцией. В результате разразился дипломатический кризис, и Япония и Республика Корея ввели ответные меры в отношении друг друга [6, р. 41]. В июле 2019 года Япония ввела ограничения на экспорт ключевых материалов, используемых в южнокорейской технологической промышленности, сославшись на соображения безопасности. Республика Корея расценила это как «ответный удар» на постановление о принудительном труде и ответила собственными торговыми мерами. Гражданское общество бурно отреагировало на возникший дипломатический кризис: протесты, бойкоты и публичные дебаты отразили глубокие исторические и политические разногласия между двумя странами. В Республике Корея центральное место в протестах занимали боль колониального периода и военных преступлений японской империи, а в Японии протестующие выступали против несправедливых или преувеличенных, по мнению многих, исторических претензий [11].

Территориальный спор вокруг островов Токто/Такэсима (Лианкур) также оказывает значительное и постоянное влияние на современные японо-корейские отношения, определяя дипломатическое, экономическое и культурное взаимодействие между двумя странами. Данный вопрос является символом более широких исторических претензий, возникших в результате колониального правления Японской империи над Кореей. Корейское название «Токто» и японское «Такэсима» относятся к группе небольших островов в Японском море, расположенных в окружении нескольких незначительных скал. Каждая из сторон претендует на эту территорию, которая с 1954 года фактически контролируется Республикой Корея. Сеул опирается на исторические свидетельства власти Кореи над Токто, датируемые XVIII веком, в то время как Япония оспаривает эту трактовку и указывает на то, что остров

Такэсима был присоединен к Японии в 1905 году, приблизительно за 5 лет до аннексирования Кореи Японской империей. По мнению Токио, острова не были включены в число территорий, которые должны быть возвращены его бывшим колониям после окончания существования императорской Японии в соответствии с положениями Сан-Францисского мирного договора 1951 года [5, р. 255–257].

Несмотря на то, что суть территориальных притязаний сводится к различным историческим интерпретациям и юридическим аспектам, оба государства в равной степени подвержены воздействию националистических настроений. На сайте Министерства иностранных дел Республики Корея есть отдельный раздел, посвященный островам Токто. Данный раздел включает в себя видео о Токто на разных языках (в том числе, на японском), начинающееся утверждением: «Токто был первой жертвой японской агрессии (оккупации) на Корейском полуострове» [13]. Стоит также отметить, что не только в политической сфере, но и, например, в косметической индустрии затрагивается данный вопрос: корейский бренд уходовой косметики RoundLab выпустил линейку “1025 Dokdo” с названием и изображением островов на продукции бренда. На странице Министерства иностранных дел Японии также есть раздел, однако уже с названием “Такэсима”, где представлено информационное видео, карты островов и Q&A сборник «Уточнение, почему Такэсима является территорией Японии! 10 тезисов о понимании вопроса о споре Такэсима» [18].

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод, что вопрос о Токто/Такэсима часто фигурирует в политических дискуссиях и используется правительствами обеих стран для мобилизации внутренней общественной реакции. Политические лидеры обеих сторон нередко апеллируют к прояв-

лениям патриотических чувств, делая резкие заявления или предпринимая символические действия в отношении островов, что еще больше усугубляет дипломатическое противостояние.

Следует также отметить, что формулировки и повествования о действиях Японской империи в период колониального правления в современных японских учебниках становятся серьезным источником напряженности в отношениях не только между Японией и Республикой Корея, но и другими странами Восточной Азии. Во многих учебных пособиях прослеживаются тенденции минимизации или игнорирования военных преступлений, совершенных во времена колониального правления: используются расплывчатые обозначения «женщины, призванные служить в армии» (вместо — «женщин для утешений») [23]; действия военных Японской империи расцениваются как вынужденные меры защиты в ответ на западный империализм. Зачастую колониальный период в Корею описывается в учебниках как время экономического прогресса и модернизации страны. По мнению корейцев, отказ Японии признавать собственную историю в школьных учебниках способствует постоянному переживанию чувства несправедливости и оскорблению народа, прежде всего среди тех, кто пережил военные преступления. В Республике Корея, напротив, проблематика «женщин для утешений», принудительный труд и другие аспекты колониальной истории стали обязательной частью корейских учебников истории, в которых особое внимание уделяется страданиям и боли, вызванным действиями Японской империи.

Население Республики Корея испытывает глубокое негодование по поводу того, что его история была деформирована и подвергалась постоянному отрицанию в японском обществе. Историография жестокого обращения и дискриминации корейцев как второ-

сортных граждан, наличие «женщин для утешений», подавление корейской идентичности и национальное превосходство являются постоянными источниками памяти о колониальном прошлом в корейской культуре в виде публичных памятных мероприятий и повествований.

Активисты гражданского общества воздвигают статуи с лозунгом «Никогда больше!» в качестве исторических символов, которые могут предотвратить повторение печальной истории. Кроме того, с развитием корейской музыки и кинематографа выросла и платформа знаменитостей, которая позволяет им высказываться по этим вопросам и охватывать большие аудитории. Особенно это заметно на примере молодежных движений, женских групп и поп-культуры, поскольку они создают нарратив и продолжают поддерживать актуальность вопросов памяти о военных преступлениях [19, р. 9–10]. Например, фотография корейской поп-звезды Бэ Су-джи, держащей в руках чехол для телефона от компании Magumond, которая производит аксессуары в поддержку «женщин для утешений», стала вирусной. Корейские звезды оказывают огромное влияние на своих поклонников, и это позволяет им донести мысль о том, что проблемы не останутся неслышанными или забытыми.

Выводы и рекомендации

Доминирующие корейский и японский дискурсы идентичности, с точки зрения их отношения к колониальному и военному прошлому, являются диаметрально противоположными. С одной стороны, мы имеем национальную идентичность, которая воспроизводится через постоянное осмысление прошлого и требование разобраться с ним, а с другой стороны, национальную идентичность, которая формируется через забвение этого прошлого и решительное возражение

против его роли в современной политике. Таким образом, эти противоположные репрезентации прошлого представляют собой столкновение не просто в смысле разногласий по поводу «фактов» истории, но по поводу роли прошлого в современной политике, что обосновывается (и конструируется) идентичностями, которые опираются на конфликт по таким вопросам.

Постоянные разногласия по поводу исторической памяти представляют одну из наиболее значимых проблем для двух стран, пытающихся справиться с наследием общей истории. Существует несколько путей к примирению, однако первый шаг — преодоление укоренившейся неприязни и пересмотр образа народа и правительства. В случае Франции и Германии общая европейская идентичность и американизация способствовали примирению, но для Японии и Республики Корея потребуются дополнительные шаги, начиная с прямого признания источника проблем — национальных нарративов, лежащих в основе идентичностей двух народов. Японцы и корейцы наследуют эти нарративы, которые пересказываются и воспроизводятся последующими поколениями, что подпитывает националистические идеалы каждой страны и еще больше подрывают перспективы примирения. В связи с этим возникает необходимость использования инструментов мягкой силы для достижения долгосрочных изменений в отношениях между двумя государствами.

Мягкая сила способна выстроить основу для заметных изменений в восприятии народа и перестроить международную репутацию страны. После поражения во Второй мировой войне Япония активно стала использовать культурные элементы, такие как аниме и манга, чтобы изменить представление о себе в глазах мировой общественности. Например, дружелюбный персонаж Hello Kitty завоевал широкую

международную популярность, и, ассоциируясь с ее миниатюрностью, молчаливостью и беспомощностью, Япония стала восприниматься как имеющая те же безобидные черты. Таким образом, Hello Kitty пополнила «арсенал» исполненной невинности Японии, которая оправдывает уход от ответственности за прошлое.

Тем не менее, для того чтобы реализация инициатив мягкой силы позволила смягчить напряженность между Японией и Республикой Корея и открыть путь к примирению, эти инициативы должны содействовать преобразованию национальной идентичности таким образом, чтобы представить другую сторону не как онтологического врага, а как терпимого и понятного соседа. Это не кажется таким уж невыполнимым и способно стать решением для преодоления глубоко укоренившихся взаимных негативных представлений, которые в настоящее время препятствуют примирению.

Мягкая сила выполняет важнейшую роль в отношениях между Республикой Корея и Японией, предоставляя механизмы для налаживания культур-

ных обменов и укрепления взаимопонимания независимо от исторической и политической напряженности. Как Япония, так и Республика Корея используют свой культурный экспорт, экономические достижения и дипломатический потенциал для усиления влияния и улучшения отношений в регионе. Впрочем, фактор исторической памяти, прежде всего в отношении таких вопросов, как «женщины для утешений», принудительный труд или территориальный спор о принадлежности островов Лианкур остаются серьезными препятствиями, и обе страны должны продолжать осторожно преодолевать трудности, чтобы мягкая сила оставалась эффективным инструментом примирения и сотрудничества.

Таким образом, если во многих сферах мягкая сила способствовала налаживанию контактов, глубинные исторические раны по-прежнему остаются серьезной проблемой, и для установления устойчивого мира и взаимопонимания требуется не просто культурная дипломатия, а подлинное понимание проблем прошлого.

Литература

1. *Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. — 2005.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 т. Т. 3 // А. Грамши. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959. — 371 с.
4. *Дьячков И.В.* Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. — 2019. — № 4. — С. 72–87.
5. *Дьячков И.В.* Проблема скал Лианкур в южнокорейско-японских отношениях // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2021. — С. 253–261.
6. *Кистанов В.О.* Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. — 2019. — № 3. — С. 33–48.
7. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. — М., 1994. — 700 с.
8. *Новиков К.О.* Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: вызовы и перспективы // Корееведение. — 2023. — № 4 (5). — С. 79–91.
9. *Нора П.* Эра коммемораций // Франция — память. — СПб., 1999. — С. 66–148.
10. *Овчинникова Л.В.* Японская политика изменения самоидентификации корейцев (вторая половина 30-х — начало 40-х годов XX в.) / М.: ИДВ РАН Институт Дальнего Востока. Корея перед новыми вызовами, 2017. — 448 с.
11. Полупроводниковая война Японии и Южной Кореи. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3FbSgB> (дата обращения: 30.12.2024).

12. Романовская Е.В. Проблемы памяти в книге Ле Гоффа «История и память» // *Tempus et Memoria*. — 2020. — Т. 1. — № 1–2. — С. 31–35.
13. Basic Position of the Government of the Republic of Korea on Dokdo // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://overseas.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5441/contents.do (дата обращения: 30.12.2024).
14. Entrepreneur tells stories of comfort women // *Korea Times*. 24.02.2017. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/11/602_224666.html (дата обращения: 25.11.2024).
15. Foucault M. *Language, counter-memory, practice*. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980. — 240 p.
16. Glosserman B., Snyder S. *The Japan-South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States*. — New York: Columbia University Press, 2015.
17. Huckabay M. *Japanese Colonialism: Unraveling the Complex Historiography and Cultural Genocide in the Korean Peninsula* // *History Senior Theses*. — 2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.33015/dominican.edu/2023.HIST.ST.02> (дата обращения: 25.12.2024).
18. Japan's Consistent Position on the Territorial Sovereignty over Takeshima // Ministry of Foreign Affairs of Japan. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/takeshima/index.html> (дата обращения: 30.12.2024).
19. Jun H. "I think the comfort women are us": National identity and affective historical empathy in students' understanding of "comfort women" in South Korea // *The Journal of Social Studies Research*. — 2020. — № 44 (1). — P. 7–19.
20. Lee J. Uncomfortable "Comfort Women": Examining shame culture and the internal conflict between Japanese-Americans and Korean-Americans regarding the comfort women issue // *Pepperdine Journal of Communication Research*. — 2018. — Vol. 6, Article 4. — P. 10–19.
21. Round Lab: "1025 Dokdo" Line // *RoundLab*. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://roundlab.com/products/1025-dokdo-toner> (дата обращения: 26.12.2024).
22. Shahar Griffin L. Nationalism in Japanese New Religions: What are the National Conceptions of Japanese New-New Religion in the Post-Bubble Era? A Case Study of Konohana Family Community // *Journal of Sociology and Anthropology*. — 2021. — № 1. — P. 17–24.
23. S. Korea voices strong regrets over Japan's school textbooks distorting wartime history // *Yonhap News Agency*. 22.03.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240322006700315> (дата обращения: 25.12.2024).
24. Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women". // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 04.08.1993. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения: 25.12.2024).
25. Wilson K. *Forging the collective memory. Government and international historians through two World Wars*. — Berghahn, Oxford, 1996. — 224 p.
26. Witt Kathryn J. *Comfort Women: The 1946–1948 Tokyo War Crimes Trials and Historical Blindness* // *Journal of Undergraduate History*. — 2016. — Vol. 4. — № 1. — P. 17–34.